

Н.В. Медведев

Л. ВИТГЕНШТЕЙН О НЕОБОЗРИМОСТИ ГРАММАТИКИ И СПОСОБЕ ЕЕ ПОСТИЖЕНИЯ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00254.

Реконструируются аргументы Витгенштейна в поддержку тезиса о необозримом характере грамматики. Раскрываются специфика и функциональные возможности метода ясного представления (*übersichtliche Darstellung*) об употреблении слов. Акцентируется роль первичного освоения детьми грамматических норм посредством тренировки и обретения практических навыков. Показано, что способ наглядного представления, может служить средством для нормирования и упорядочения лингвистической практики, для устранения концептуальных замешательств, для понимания разнообразных форм социальной деятельности, однако он не обеспечивает синоптическое видение грамматики.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн; грамматика; ясное представление; языковые игры; форма жизни; метод; практика; сложность; совокупность.

Введение

Фигура Л. Витгенштейна является знаковой как для философов, так и для лингвистов. С именем этого выдающегося мыслителя связан «лингвистический поворот» в философии XX столетия, приведший к революционным изменениям в подходах к изучению темы языка. Интуиции Витгенштейна о природе языка по-прежнему служат плодотворным источником для обсуждения методологических проблем лингвистики. Если в первой своей книге «Логико-философский трактат» (1921) философ рассматривает в основном вопрос о том, как слова способны отображать мир, то в поздний период творчества он приходит к пониманию языка не как абстрактной символической системы, а как социальной деятельности и социального института [1]. Важный шаг в эволюции лингвофилософского подхода Витгенштейна состоял в формулировании требования осуществлять анализ разнообразных случаев употребления слов представителями коммуникативного сообщества для определения их значения и достижения ясного понимания. Каждая языковая игра, согласно Витгенштейну, имеет свой внутренний горизонт, который детерминирует значение языковых выражений, расположенных внутри него, поэтому необходимо обращать внимание на все детали, все нюансы языковой игры, которые обнаруживаются в повседневном общении. Витгенштейн отдавал предпочтение всему богатству и разнообразию языковых феноменов, которые анализировал с особой тщательностью и проницательностью, он не желал ограничивать свою философско-аналитическую деятельность только конструированием логически совершенного искусственного языка, свободного от двусмысленностей и неясностей [2. С. 2].

Язык для Витгенштейна есть не только одна из главных проблем философии, но и ключ к их решению. Он постоянно предостерегает нас от неверного понимания принципов работы естественного языка, указывая на скрытые грамматические «ловушки». Для решения большинства философских проблем нужны не совершенные философские теории, а подробное описание способов употребления лингвистических знаков в разнообразных контекстах, чтобы иметь яс-

ное представление [3. С. 84] об их значении. Философские проблемы, согласно Витгенштейну, «решаются... изучением устройства нашего языка, и таким способом изучения, который вынуждает нас признать это устройство вопреки склонности истолковать их неверно» [3. С. 81]. Постигнув, что «грамматические иллюзии» [3. С. 81] являются подлинным источником большинства философских проблем, мы научимся освобождаться от этих проблем, в некотором смысле сможем уподобиться врачу, который излечивает своих пациентов благодаря установлению точного диагноза. [4. С. 26–27]. Занимаясь прояснением грамматики языковых игр и связанных с ними форм социальной организации человеческой деятельности, Витгенштейн, по сути, преобразовал концепцию философии в разновидность социального исследования [5. С. 36].

Несмотря на громкую известность Витгенштейна в научном мире, его точка зрения на грамматику как необозримую совокупность, а также последствия такого воззрения для области социально-гуманитарного знания обнаруживают слабое понимание за пределами круга специалистов. Разработанные Витгенштейном в ранний и поздний периоды творчества особые подходы к языку настолько сильно отличаются, что трудно сказать, в чем именно заключается взаимосвязь и преемственность его философских идей. В частности, довольно сложно объяснить мотивы, побудившие австрийского мыслителя отказаться от «образной» концепции языка и философского метода синоптического видения [6. С. 33] в пользу перформативно-деятельностной модели языка и грамматического анализа многообразных языковых игр.

Актуальность темы данного исследования определяется устойчивым интересом к творческому наследию Л. Витгенштейна в современном интеллектуальном пространстве и связана с необходимостью прояснения его философской позиции относительно понимания грамматики языка и реальной практики ее освоения человеческим субъектом. Целью статьи является осмысление тезиса Витгенштейна о необозримом характере нашей грамматики и возможности ее постижения методом *ясного представления* (*übersichtliche Darstellung*) об употреблении слов. Реализация поставленной цели предполагает решение

следующих задач: во-первых, необходимо реконструировать аргументы Витгенштейна в поддержку точки зрения о необозримости нашей грамматики; во-вторых, раскрыть специфику и познавательные возможности предложенного им способа наглядного действия для понимания значения; в-третьих, определить онтологическое условие существования грамматики в контексте философских размышлений Витгенштейна; в-четвертых, опираясь на его тексты, описать реальную практику освоения грамматики.

Необозримая грамматика и метод ясного представления

Главная философская проблема, по убеждению Витгенштейна, заключается в том, что «нашей грамматике недостает... наглядности» [3. С. 84]. Разобраться в специфике подхода Витгенштейна к проблеме *необозримой* грамматики возможно лишь в том случае, если принять во внимание расширенное употребление им слова «грамматика», под которым философ подразумевал не систему абстрактных грамматических правил, а сложившиеся модели языкового поведения людей. По мнению философа, фактическая структура и упорядоченность той или иной языковой игры являются недоступными для нашего обозревания. В разговоре о грамматике его интересует не столько синтаксис языковых игр, сколько их семантические и прагматические ограничения, определяемые тесной взаимосвязью языка и жизни [7. С. 64]. Философская «грамматика» Витгенштейна охватывает не только язык или языковые игры, но и человеческую форму жизни в целом. Конкретное сообщество людей, определенная культура, историческая традиция – все это имеет свою особую «грамматику», притом каждой из них недостает наглядности.

Ключевая эпистемологическая установка Витгенштейна, направленная на постижение грамматики языка как необозримой совокупности, изложена им в параграфе 122 «Философских исследований», где он говорит об *отсутствии ясного представления об употреблении слов* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н.М.) [3. С. 84]. Так как язык выступает в качестве незыблемой основы человеческой жизни, можно предположить, что разнообразным формам социальной деятельности людей также недостает наглядности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «отыскание и изобретение промежуточных звеньев», по словам Витгенштейна, ставит перед нами вопросы фундаментальной значимости. «Главная причина нашей неспособности понять» [3. С. 84] заключается в том, что мы не обозреваем употребления наших слов, не обозреваем грамматику языка и форму жизни. Нам требуется «ясное представление», которое приводит к пониманию через *прозревание связей*. Понятие «ясное представление», согласно Витгенштейну, «характеризует форму выражения, способ, которым мы смотрим на мир» [3. С. 84].

Многие полагают, что грамматику естественного языка можно постичь интуитивно. Однако тот, кто сталкивался в своей жизни с проблемой освоения второго языка, знает, насколько необъяснимо трудной,

непрозрачной и произвольной может быть действующая грамматика нового языка. Думаю, Витгенштейн это хорошо понимал, поскольку сам изучал и практиковал английский язык. В период «Логико-философского трактата» он придерживался мнения, что логика естественного языка прозрачна и ясна, что она показывает себя и в ней не может быть ничего неожиданного [8. С. 192]. Если это так, тогда его высказывание о том, что нашей грамматике недостает наглядности, следует трактовать как неприкрытое свидетельство его отказа от ранней («образной») концепции языка.

Как же Витгенштейн пришел к своему открытию о необозримости грамматики? И что из этого следует? Уже в начале текста «Философских исследований» философ пишет о том, что «общее представление о значении слова замутняет функционирование языка, не позволяя видеть ясно. – Мгла рассеивается, если изучать феномен языка в примитивных его проявлениях, когда четко определены назначение и употребление слов» [3. С. 19]. Функцию показа разнообразных проявлений языка призваны выполнять простейшие языковые игры, которые конструируются Витгенштейном в его поздних сочинениях. Проиллюстрировать смысл сказанного помогает следующая дневниковая запись австрийского философа, которую он сделал в 1914 г.: «В предложении мир составляется как бы ради пробы. (Так же, как в Париже, в зале суда автомобильная авария была изображена с помощью кукол, и т.д.)» [9. С. 37]. Другими словами, представленная в парижском зале суда схема аварии послужила приемом, который позволил воспроизвести реальное дорожное происшествие, хотя это событие осталось недоступным для непосредственного наблюдения всеми участниками судебного процесса. Вместе с тем эта авария стала обозреваемой в том смысле, что могла быть рассмотрена при помощи модели с разных сторон. Модель наглядно показывает аварию, где части модели соответствуют реальным вещам (машинам, людям, домам) [10. С. 133]. Модель сохраняет свое постоянство, она доступна для всестороннего изучения, в то время как сама авария есть одноразовое, быстротечное событие, которое было воспринято свидетелями с разных точек зрения. Поэтому модель помогает сфокусировать внимание человека на существенных моментах, но она не охватывает и не передает все детали происшествия. Но тем не менее модель позволяет нам получить наглядное представление о реальном событии.

Когда Витгенштейн говорит в параграфе 122 «Философских исследований» о необходимости обретения ясного представления об употреблении слов, то это заявление не следует интерпретировать так, будто он намеревался поместить грамматические структуры в эмпирическое поле исследований. Способ наглядного представления выполняет у Витгенштейна разные функции, но основная функция связана с задачей осознания нами того несомненного факта, что грамматика была и останется сама по себе необозримой. С философской точки зрения важно отметить, что ясное представление может служить инструментом для постижения недоступной для наглядности совокупности применяемых нами языковых единиц.

Вместе с тем исследовательские приемы работы с необозримой грамматикой способны сформировать у нас искаженное понимание о ее природе. Вот почему при создании картины необозримой совокупности, какой является наша грамматика, всегда есть риск того, что какие-то существенные, поначалу кажущиеся второстепенными детали моделируемой языковой ситуации останутся незамеченными. Несмотря на то что Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (далее Трактат) стремился добиться полной прозрачности логики повседневного языка, в действительности же он проанализировал и обобщил специфичное и весьма ограниченное его употребление. Позднее Витгенштейн скажет, что в Трактате разбирается формула «что-либо имеет место», как если бы это было общей формой суждений [3. С. 82]. Предложенный им в Трактате метод *ясного представления* в целом дает нам ограниченную картину природы и механизма действия лингвистического феномена. Чтобы избежать подобной погрешности, необходимо прежде всего уяснить, как метод наглядного представления может помочь изучать необозримую грамматику и почему создаваемые учеными модели грамматики демонстрируют лишь узкое и довольно примитивное употребление слов. Следует также иметь в виду, что такие модели языка могут нести не только пользу, но и вред, поскольку они таят в себе угрозу сформировать ошибочное представление о работе языка. Поэтому нам не следует слишком доверять методу ясного представления. Отсюда становится понятным, что Витгенштейн в «Философских исследованиях» целенаправленно выступает с критикой идеи о возможности достичь всеобъемлющего и ясного понимания природы грамматики.

Однако если метод наглядного представления является одновременно полезным и рискованным, то разумно задать вопрос: в чем именно заключается его полезность и эффективность для философской и научной практики? Ответом на него может служить демонстрируемый Витгенштейном в «Философских исследованиях» грамматический анализ употребляемых языковых выражений. Этот анализ сводится к тому, чтобы создавать как можно больше различных наглядных репрезентаций об употреблении слов для понимания их грамматики, чтобы не заикливаться на какой-то одной картине, как это было в Трактате. Витгенштейн считает, что мы должны исследовать разнообразные «примитивные проявления» и «примитивные формы» языка [3. С. 19] для устранения концептуальной путаницы. Мы можем, например, мысленно вообразить себе более простые языковые игры, чем те, в которые на самом деле играем, чтобы с помощью неявного контраста показать сложности нашего фактического употребления языка [7. С. 65]. Множественные примеры простых и понятных нам языковых игр, по словам Витгенштейна, «не являются предварительными исследованиями для последующего упорядочивания языка – ведь это лишь первое приближение, которое игнорирует трение и сопротивление воздуха. Языковые игры, скорее, выступают *объектами сравнения*, предназначение которых – проливать свет на факты нашего языка, посредством обна-

ружения не только сходств, но и различий» [3. С. 86]. Сущность языка как раз и обнаруживается в сходствах и различиях языковых игр [11. Р. 103].

Следует подчеркнуть, что область применения способа наглядного действия выходит у Витгенштейна за пределы языка. Это становится понятным при знакомстве с его работой «Заметки о “Золотой ветви” Дж. Фрэзера», в которой Витгенштейн критикует английского антрополога за стремление объяснить смысл магических и религиозных обрядов с позиции эволюционной теории. Витгенштейн высказывает мнение, что подобные архаичные социальные феномены можно адекватно понять лишь на основе метода ясного (наглядного) представления. Наглядное представление магических и религиозных практик или, в широком смысле, самобытных примитивных культур помогает раскрыть их специфическую «логику» и «грамматику». Такое представление выявляет «семейное сходство» между разными магическими и религиозными действиями и особыми культурами. В конце концов, благодаря наглядному действию обнаруживается наличие концептуальной пропасти между архаичными практиками и культурами и способом мышления и поведением людей современной техногенной цивилизации [12. С. 247–248]. Цель применения метода наглядной репрезентации, по Витгенштейну, состоит в том, чтобы прояснить тот факт, что магия и религия обладают собственной «грамматикой», что эти формы духовной культуры производят языковые игры, которые различаются своей «грамматикой» от языковых практик, порождаемых современным научным способом мышления. Для того чтобы уяснить эти важные моменты, ученому не требуется создавать ясное представление о магии, религии или науке, он должен просто представлять весь материал ... и ничего к этому не добавлять» [13. С. 261]. Таким образом, смысл витгенштейновского послания нам состоит в отрицании возможности сформировать адекватное синоптическое представление (или научную теорию) о языке и человеческой форме жизни в целом.

Сложность как онтологическое условие существования грамматики

Доказывая невозможность реализовать проект, нацеленный на построение ясного представления о грамматике, Витгенштейн выделяет, по меньшей мере, три ее особенности, которые препятствуют этому. Нашей грамматике недостает наглядности, потому что она, во-первых, является чрезвычайно сложной, во-вторых, наши употребления языковых выражений весьма непрозрачны; в-третьих, она крайне неустойчива, подвержена постоянным изменениям. Эти особенности грамматики акцентируются Витгенштейном в параграфе 23 «Философских исследований», где он задается вопросом: «Но сколько существует типов предложений?», и сам же отвечает на него: «Их бесчисленное множество: налицо бесконечное разнообразие способов употребления того, что мы называем “символами”, “словами”, “предложениями”. Эта множественность не является чем-то устойчивым,

заданным раз и навсегда; новые типы языка, новые языковые игры, как мы могли бы сказать, возникают постоянно, а другие устаревают и забываются» [3. С. 30]. Выделенные выше характеристики грамматики Витгенштейн дополняет метафорической иллюстрацией языка: «Наш язык можно описать как древний город: лабиринт переулков и площадей, старых и новых зданий, домов с пристройками разных периодов, окруженный множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и типовыми домами» [3. С. 25].

Одна из особенностей грамматики состоит в том, что она включает в себя значительное число языковых элементов. Конечно, это не есть единственное и достаточное условие ее бытия как необозримой совокупности. Например, мы можем мысленно представить такую ситуацию, когда на рабочем столе лежит груда чистых или исписанных листов бумаги, что создает у нас впечатление их необозримости. Но если все эти листы бумаги разобрать и аккуратно разложить по стопкам, то положение дел кардинально изменится, оно уже не будет казаться нам хаотичным и необозримым. Точно так же можно произвести анализ грамматического строя конкретного языка. Но следует ли нам считать подобный анализ полным и всеобъемлющим?

Особенностью грамматики языка (как и формы жизни людей) является вхождение в ее состав качественно разнородных элементов (частей речи с их морфологическими и синтаксическими признаками), разнотипных семантических единиц (имен, высказываний), между которыми устанавливаются разнообразные виды связей. В нашем языке, по словам Витгенштейна, имеются разные типы предложений, разные типы употребления слов. К тому же, когда он говорит о том, что нашему языку недостает наглядности, то, по сути, речь идет о таких характеристиках языка, как открытость и изменчивость. Действительно, наш язык не есть закрытая система; мы знаем, что постоянно возникают новые типы языков, новые типы употребления, в то время как прежние формы использования слов и языковых выражений устаревают и выходят из употребления [3. С. 30].

Возможна и такая ситуация, когда определенная грамматическая структура состоит всего из нескольких элементов, но эти элементы образуют сложную сеть взаимоотношений. Такая структура может также казаться нам необозримой. Язык как целостность способен выглядеть необозримым и по причине нестabilityности его состава. Известно, что хаотичные события или неожиданные ходы в языковой игре обычно воспринимаются людьми как необозримые. Вместе с тем замкнутая совокупность может не обладать наглядностью при условии, что она состоит из множества элементов или элементы этой совокупности образуют разнообразие типов отношений. Поэтому грамматика мертвого языка способна казаться столь же необозримой, как и грамматика живого языка. Таким образом, как было показано выше, высокая степень *сложности* имеет следствием онтологическое условие существования грамматики. Этот вывод приближает нас к смыслу витгенштейновского тезиса о необозримом характере грамматики.

Практический способ постижения грамматики

Как же люди овладевают грамматикой языка, если она является существенно сложной, необозримой? Конечно, будет правильным предположить, что сами люди обучаются придавать видимый порядок необозримой совокупности. Но для этого они должны предпринимать конкретные усилия. Например, индивид может привести в порядок свою неубранную комнату, затратить на это время, энергию, чтобы в конце концов сделать обстановку обозреваемой, чтобы все вещи располагались в ней на своих местах и в соответствии с его желанием. Но язык ставит нас перед более сложной проблемой. Мы можем, скажем, рассмотреть возможность реформирования естественного языка для того, чтобы сделать его наглядным. Такие реформы время от времени предлагаются отдельными учеными. Так, осуществлялись попытки создать упрощенный, искусственный язык как альтернативу нашему сложному естественному языку, но эти попытки, как известно, не увенчались успехом. Люди по-прежнему сохраняют и пользуются сложной, необозримой грамматикой, причем делают это по веским основаниям. Когда Витгенштейн писал о том, что обычно «сущность языка» рассматривается как нечто скрытое под поверхностью («Сущности не то, что уже открыто взорам и обозримо при упорядочивании, но то, что скрыто под поверхностью» [3. С. 76]), он не думал, что у нас есть возможность создать обозреваемый (наглядный) язык в результате его реорганизации. Это вовсе не то, что он имел в виду, когда говорил, что «философия никоим образом не вмешивается в фактическое употребление языка» [3. С. 84]. Задача философии, согласно Витгенштейну, заключается не в том, чтобы реформировать язык, сделать его наглядным. Предположение о возможности заменить наш естественный язык на другой, с обозреваемой грамматикой (например, эсперанто или язык символической логики), наталкивается на два возражения. Первое возражение состоит в том, что в любом случае мы будем вынуждены объяснять знакам-символам нового языка на языке, которым уже владеем. Но поскольку последнему, согласно выдвинутому выше предположению, недостает наглядности, то непонятно, как новый язык может быть чем-то еще. Вместе с тем неясна степень неопровержимости данного возражения. Разве человечество уже не изобрело различные виды наглядных систем обозначения (в математике, логике, естествознании), разве механизм их применения не объясняется при помощи необозримого естественного языка? И разве люди не способны создать порядок из хаоса, приводить смутное в состояние ясности, делать наглядным то, что само по себе является необозримым? Риторический характер данных вопросов обязывает нас дать ответ на следующий основополагающий вопрос: как люди приходят к пониманию своего исходного языка?

Теперь остановимся на другом аргументе, опровергающем гипотезу о возможности заменить необозримый повседневный язык на доступный искусственный язык. Разумеется, возможно изобрести язык с более простым и прозрачным синтаксисом, чем наш

естественный язык. Но когда Витгенштейн говорит о том, что нашей грамматике недостает наглядности, он имеет в виду не только синтаксис. Слово «грамматика» употребляется им для обозначения всей системы используемых языковых знаков – имен и высказываний. Под термином «язык» Витгенштейн подразумевает не просто совокупность символов с точными правилами их применения, а всю человеческую деятельность, связанную с употреблением знаков: «А вообразить язык, – говорит он, – значит вообразить форму жизни» [3. С. 25]. Вместе с тем неясно, способны ли люди изобрести универсальный язык, который может применяться в разнообразных ситуациях и который будет иметь обозреваемое употребление слов? Это помогло бы нам преодолеть возражение тех лингвистов, которые доказывают, что под стихийной поверхностной структурой естественного языка лежит четкий и совершенно упорядоченный синтаксис, что такая глубинная синтаксическая структура является врожденной, она от природы свойственна человеческому разуму [14]. Однако витгенштейновские рассуждения успешно обходят данное возражение. Конечно, мы можем признавать или не признавать, что наш язык обладает доступным для обозревания глубинным синтаксисом. Но точка зрения Витгенштейна в любом случае остается непоколебленной. Дело в том, что невозможно однозначно установить, как такой синтаксис должен применяться в разнообразной речевой деятельности людей. Поэтому Витгенштейн был совершенно прав, когда говорил, что нашей языковой системе употребления знаков недостает наглядности.

Можно ли достичь понимания необозримой грамматики посредством построения моделей или наглядных действий? И если да, то как? Чтобы ответить этот вопрос, требуется рассмотреть, в каких отношениях находятся совокупность и ее модель. По мнению Х. Слуги, между ними возможны два типа отношений. Во-первых, любая из многих наглядных моделей способна представлять лишь часть совокупности, с которой мы имеем дело. С этой точки зрения необозримая совокупность состоит из множества доступных наблюдению частей, каждая из них может быть схвачена в ясном представлении. Совокупность необозрима лишь в том смысле, что она требует необозримой серии репрезентаций, которые будут представлять ее полностью. Другой возможный путь постижения заключается в том, что любое ясное представление дает нам только приблизительную картину совокупности, и мы сможем достичь понимания совокупности, обретая только более или менее точные картины целого [11. С. 106]. Витгенштейн признает обе эти возможности, но не разделяет их отчетливо. Таким образом, если мы, размышляя о языке, понимаем под ним или повседневный язык, или формализованный язык пропозиционального исчисления, или иную строгую искусственную систему обозначения, то поначалу может показаться, что некоторые части языка представлены ясно, а другие же лишь приблизительно. Мы убеждены в том, что любая репрезентативная модель должна давать полное и четкое представление о грамматике употребляемых языковых

выражений. Однако в таком случае незаметно для себя мы неизбежно оказываемся в догматическом плену идеи репрезентации. Именно такого рода заблуждение испытал Витгенштейн в «Логико-философском трактате», когда он полагал, что картина А способна изображать действительность В лишь тогда, когда А и В обладают одинаковой логической структурой. Такой подход несовместим с точкой зрения позднего Витгенштейна, поскольку одна и та же картина, по его мнению, способна представлять совершенно разные вещи: «то стеклянный куб, то перевернутая открытая коробка, то проволочная конструкция такой формы, то три доски под прямым углом» [3. С. 281].

Отсюда можно заключить, что наша способность употреблять слова, овладевать грамматикой, наше умение адаптироваться к человеческой форме жизни достигаются не посредством ясного, отчетливого представления о способах употребления слов и грамматических правил. Согласно точке зрения Витгенштейна, не существует ясного представления о грамматике, да оно и неосуществимо. Мы приобретаем языковые способности, умение правильно действовать в определенных жизненных обстоятельствах через подражание и сформированные привычки, через непрерывные тренировки и обретение практических навыков. Витгенштейн подчеркивает, что когда детей обучают первоначальным, примитивным формам языка, то такое «обучение языку является не объяснением, но тренировкой» [3. С. 19]. Если быть более точным, то под словом «тренировка» философ подразумевает *дрессировку* (*Abrichten*), т.е. совокупность обучающих действий над животными, предпринимаемых для выработки и закрепления у них различных навыков. Здесь достаточно напомнить суровые методы обучения, которые Витгенштейн, как школьный учитель, применял в отношении крестьянских детей, его педагогические методы, которые доставили ему неприятности в лице родителей и представителей школьной администрации [10. С. 236–245]. Значительная доля таких тренировок, по словам Витгенштейна, сводится к тому, «чтобы обучающий указывал на предметы, обращая на них внимание ребенка, и одновременно произносил какое-либо слово. ...Это наглядное обучение словами, можно сказать, устанавливает связи между словами и предметами» [3. С. 19]. Подобным образом учитель может показывать ученикам таблицу со словами и с соответствующими им картинками, а ученик учится поиску картинок в таблице через тренировку, и «часть этой тренировки состоит, возможно, в обучении ученика умению водить горизонтально пальцем слева направо» [3. С. 71].

Таким образом, дети усваивают грамматику разговорного языка с помощью простых вещей, таких как обучение умению направлять свое внимание на определенный объект, тренировка правильному произношению звуков, установление связи между словами и обозначаемыми ими объектами, тренировка памяти, обучение умению пользоваться пальцами рук, согласовывать движения пальцев и глаз и т.п. В работе «О достоверности» Витгенштейн говорит о том, что «язык возник не из рассуждения» [15. С. 380]. Он предлагает посмотреть на человека как на животное,

«как примитивное существо, наделенное инстинктом, но не способностью рассуждать» [15. С. 380]. Когда ребенок разучивает такие слова, как «книга» или «стул», он познает не смысл (сущность) этих предметов, а учится получать и просматривать книгу или сидеть на стуле. Языковая игра людей основывается не на знании, а на действиях. «Я бы сказал, так ребенок учится реагировать; пока же он так не реагирует, он еще ничего не знает. Знание начинается лишь на более поздней ступени» [15. С. 388].

Заключение

Подведем итоги нашего исследования. Было показано, что люди приходят к пониманию необозримой грамматики, прежде всего, на основе практического опыта, а не путем создания наглядного представления об употреблении слов. Языковые навыки, закрепляемые человеческими индивидами в процессе практической деятельности, сами по себе являются довольно сложными. Лишь с течением времени они обретают способность размышлять над грамматикой языка, рефлексировать о том, как достигается понимание и применение лингвистических знаков, как создаются наглядные представления об грамматическом строе языка. Однако такие представления всегда будут неполными и приблизительными.

Вместе с тем ясное представление о нашей грамматике через создание ее модели может быть направлено на достижение некоторых позитивных целей. Это может быть полезно для человека, который занимается изучением иностранных языков. Правда, знание грамматических правил нельзя считать достаточным основанием для определения, насколько свободно индивид способен применять язык в различных контекстах. Кроме того, ясное представление о грамматике может являться эффективным средством для осуществления нормирования и упорядочения языковых практик. Это поможет людям преодолевать грамматические путаницы, которые, по убеждению Витгенштейна, являются источником возникновения фи-

лософских вопросов. Поэтому для того, чтобы избавиться от беспокоящих нас проблем философии, необходимо прибегать к способу наглядного представления, который позволяет описать работу языка. При этом мы не должны пренебрегать предупреждением Витгенштейна о том, что создаваемые репрезентации языковых игр могут привести к новым философским замешательствам. Вместе с тем витгенштейновское понятие грамматики, взятое в широком смысле, может быть использовано для «разъяснения человеческих взаимоотношений в обществе» [16. С. 31].

Специфика создаваемых людьми наглядных представлений, их цель зависят от многих факторов. Витгенштейн хорошо осознавал подлинную функцию частичных и приблизительных представлений о грамматике языковых игр. Он был убежден в том, что такие репрезентации могут выполнять важные философские функции. В частности, они «организуют наш опыт мира» [16. С. 13]. Однако все наши усилия, направленные на достижение всеобъемлющего синоптического видения грамматики, можно оценить, согласно Витгенштейну, как бесплодные. Такого рода проект мотивируется нашим ошибочным предположением, будто все недоразумения, обусловленные необозримой природой грамматики языковых игр, можно элиминировать путем построения ясного представления. На самом деле грамматика языка есть существенно сложная совокупность, она является необозримой. И мы никогда не сможем реализовать замысел, направленный на обеспечение ясного представления о механизме функционирования нашего языка. По этой причине нам следует отказаться от амбициозного, но неосуществимого плана, ориентированного на достижение основополагающей и окончательной истины о философской проблеме сущности языка. Вместо этого, в соответствии с философской установкой Витгенштейна, мы должны заняться построением ясного представления об отдельных аспектах функционирования языка, в особенности обращать внимание на те из них, которые вызывают у людей концептуальное замешательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bloor D. What did Wittgenstein mean by 'Institution'? // Wittgenstein and the Culture. Proceedings of the 18th International Wittgenstein Symposium. Edited by Kjell S. Johannessen and Tore Nordenstam. Vienna : Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1996. P. 60–74.
2. Huemer W. Introduction: Wittgenstein, language and philosophy of literature // The Literary Wittgenstein. London : Routledge, 2004. P. 1–13.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М. : АСТ ; Астрель, 2011. 347 с.
4. Медведев Н.В. Философия Людвиг Витгенштейна и проблемы понимания иных культур. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 382 с.
5. Gunnell J.G. Social inquiry after Wittgenstein and Kuhn. Learning everything as it is. New York : Columbia University Press, 2014. 272 p.
6. Медведев Н.В. Историко-методологический анализ эволюции представлений о соотношении философии и науки // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 32–40.
7. Ackemann R.J. Wittgenstein city. Amherst : University of Massachusetts Press, 1988. xiv, 267 p.
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
9. Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916 гг. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 415 с.
10. Монк Рэй. Людвиг Витгенштейн. Долг гения / пер. с англ. А. Васильевой. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 624 с.
11. Sluga H. D. Wittgenstein. Oxford : Wiley-Blackwell, 2011. 154 p.
12. Сокулер З.А. К публикации перевода витгенштейновских заметок о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник '89. М. : Наука, 1989. С. 246–251.
13. Витгенштейн Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник '89. М. : Наука, 1989. С. 251–263.
14. Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики // Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Сёрль ; пер. с англ. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 99–140.
15. Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. Ч. I : пер. с нем. М. : Гнозис, 1994. 612 с.
16. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. М. : Русское феноменологическое общество, 1996. 107 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 мая 2021 г.

Ludwig Wittgenstein on the Unsurveyability of Grammar and the Way of Its Comprehension

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 87–93.

DOI: 10.17223/15617793/470/10

Nikolay V. Medvedev, G.R. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: mnv88@mail.ru

Keywords: Ludwig Wittgenstein; grammar; surveyable representation; language games; form of life; method; practice; complexity; totality.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00254.

The aim of the article is to comprehend Wittgenstein's thesis on the unsurveyability of grammar and cognitive capabilities of the method of surveyable representation (übersichtliche Darstellung) about word use. The cognitive position of the late Wittgenstein regarding the understanding of the essence of language and the pragmatic orientation of his philosophy is clarified. The article includes three main sections. The first section gives an interpretation of Wittgenstein's point of view on grammar as an unsurveyable totality; his arguments in defense of this point of view are reconstructed. It is emphasized that the word "grammar", according to Wittgenstein, means the established models of people's linguistic behavior rather than a system of abstract grammatical rules. The specificity and functionality of the surveyable representation aimed at understanding the language is analyzed, the strengths and weaknesses of this method are identified. Wittgenstein's arguments of refuting the opinion about the possibility of forming a comprehensive, clear view of our grammar are discussed. Wittgenstein's assertion that "our grammar lacks surveyability" is characterized as an evidence of his rejection of the "picture" conception of language. The second section considers the ontological condition for the existence of grammar as an unsurveyable totality of linguistic elements. From the standpoint of Wittgenstein's philosophy, grammar is characterized by a considerable complexity as an open, unstable system. The features of grammar that prevent the construction of a clear idea of it – complexity, variability, opacity of words used – are revealed. The third section clarifies the actual practice of mastering grammar by human beings. The assumption of the possibility of replacing the unsurveyable ordinary language with an artificial language accessible to surveyability is refuted. It is argued that our ability to use words, to master grammar is achieved not by construction of surveyable representations of the meaning of words and grammatical rules, but through imitation and formed habits, through training and acquired practical skills. It is concluded that people come to understand unsurveyable grammar primarily on the basis of their practical experience, and not through the formation of a surveyable representation about word use. The method of surveyable representation, leading to an understanding of grammatical structures, can serve as a means for standardizing and ordering linguistic practices, for eliminating conceptual confusion, for understanding various forms of social activity, but it does not provide a synoptic vision of grammar, which is an essentially complex system.

REFERENCES

1. Bloor, D. (1996) What did Wittgenstein mean by 'Institution'? *Wittgenstein and the Culture*. Proceedings of the 18th International Wittgenstein Symposium. Vienna: Verlag Holder-Pichler-Tempsky. pp. 60–74.
2. Huemer, W. (2004) Introduction: Wittgenstein, language and philosophy of literature. In: Gibson, J. & Huemer, W. (eds) *The Literary Wittgenstein*. London: Routledge. pp. 1–13.
3. Wittgenstein, L. (2011) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical investigations]. Translated from German by L. Dobrosel'skiy. Moscow: AST; Astrel'.
4. Medvedev, N.V. (2009) *Filosofiya Lyudviga Vitgenshteyna i problemy ponimaniya inyykh kul'tur* [Philosophy of Ludwig Wittgenstein and the problems of understanding other cultures]. Tambov: Tambov State University.
5. Gunnell, J.G. (2014) *Social inquiry after Wittgenstein and Kuhn. Learning everything as it is*. New York: Columbia University Press.
6. Medvedev, N.V. (2018) Historical and methodological analysis of the evolution of representations on the relationship of philosophy and science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 432. pp. 32–40. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/432/4
7. Ackemann, R.J. (1988) *Wittgenstein city*. Amherst: University of Massachusetts Press.
8. Wittgenstein, L. (2017) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
9. Wittgenstein, L. (2015) *Dnevnik 1914–1916 gg.* [Diaries of 1914–1916]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
10. Monk, R. (2018) *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya* [Ludwig Wittgenstein. The duty of genius]. Translated from English by A. Vasil'eva. Moscow: "Delo", RANEP.
11. Sluga, H.D. (2011) *Wittgenstein*. Oxford: Wiley-Blackwell.
12. Sokuler, Z.A. (1989) K publikatsii perevoda vitgenshteynovskikh zametok o "Zolotoy vetvi" Dzh. Frezera [To the publication of the translation of Wittgenstein's Remarks on Frazer's Golden Bough]. In: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik '89* [Historical and Philosophical Yearbook '89]. Moscow: Nauka. pp. 246–251.
13. Wittgenstein, L. (1989) Zametki o "Zolotoy vetvi" Dzh. Frezera [Remarks on Frazer's Golden Bough]. In: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik '89* [Historical and Philosophical Yearbook '89]. Moscow: Nauka. pp. 251–263.
14. Chomskiy, N. (2004) Voprosy teorii porozhdayushchey grammatiki [Topics in the Theory of Generative Grammar]. In: Searle, J.R. (ed.) *Filosofiya yazyka* [Philosophy of language]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS. pp. 99–140.
15. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Part I. Translated from German Moscow: Gnozis.
16. Winch, P. (1996) *Ideya sotsial'noy nauki i ee otnoshenie k filosofii* [The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy]. Translated from English by M. Gorbachev, T. Dmitriev. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.

Received: 15 May 2021